

УЯНАЕВ Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, руководитель центра «Россия, Китай, мир», ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32; svuyav@yahoo.com); <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>

ШОС: РАСШИРЕНИЕ ФОРМАТА, ПОДХОДЫ РОССИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КНР

Аннотация. Созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) остается заметным элементом международной жизни и важным приоритетом внешней политики России. В новых геополитических условиях, возникших после распада СССР, одной из существенных целей ШОС стала задача обеспечения стабильности и устойчивого баланса сил в Центральной Азии, в т.ч. в контексте сочетания интересов наиболее крупных игроков – России и Китая. Взаимодействие РФ и КНР в ШОС имеет позитивный характер, хотя и стоит перед лицом ряда вызовов. Одним из новых среди них является расширение числа участников ШОС, что требует уточнений в повестке Организации без ущерба для ее эффективности.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, взаимодействие, баланс сил, вызовы, расширение формата

Среди различных многосторонних международных структур, действующих ныне на внешнеполитической арене, заметное место занимает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — самая крупная из региональных организаций.

Внимание к организации особенно возросло в последние годы. В ШОС заметно ускорился стартовавший 10 лет назад процесс расширения числа участников. С момента основания организации число членов «шосовской семьи» возросло (с учетом государств-наблюдателей и стран — партнеров по диалогу) с 6 до 26. Ныне ШОС считается самой крупной среди региональных организаций, располагает полным пакетом необходимых для такого статуса атрибутов (Устав, или Хартия, наднациональные органы, штаб-квартира).

В начале июля 2024 г. председательство в ШОС на 2024–2025 гг. принял на себя Китай. Городом, который осенью 2025 г. принимает у себя 25-е заседание Совета глав государств — членов ШОС, объявлен крупный общественно-политический и экономический центр КНР портовый Тяньцзинь.

Со времени учреждения организации Китай приступил к председательским функциям уже в пятый раз. Разработана традиционно широкая программа мероприятий. Как отметил на пресс-конференции, ежегодно проводимой в рамках очередной сессии китайского парламента, член Политбюро ЦК КПК, глава канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам, министр иностранных дел КНР Ван И, в стране «под лозунгом: «Продвижение шанхайского духа: ШОС в действии» проводится более 100 мероприятий в области политики, безопасности, экономики и культурно-гуманитарных связей¹. В их числе встречи профильных министров стран ШОС, крупные тематические

¹ Ответы на вопросы китайских и иностранных СМИ члена Политбюро ЦК КПК, министра иностранных дел Ван И по внешней политике Китая и международным отношениям. 07.03.2025. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202503/t20250308_11571030.html (проверено 15.03.2025).

круглые столы, фестивали и другие форумы¹. К весне 2025 г. ряд интересных инициатив был уже реализован. Так, согласно сообщениям организаторов, в апреле в Тяньцзине прошла конференция по промышленному сотрудничеству в области устойчивого развития «Китай – ШОС», на которой были подписаны соглашения по 18 проектам на сумму свыше 650 млн долл., касающиеся таких сфер, как новые источники энергии, новые материалы, инфраструктура, горнодобывающая и нефтехимическая промышленность². Вслед за этим в г. Урумчи состоялось очередное заседание Арбитражного форума ШОС.

Реализация программы «Сто мероприятий» призвана в итоге стать органичным вкладом в успешное проведение в городе на берегах реки Хайхэ упомянутого очередного саммита ШОС, каждый из которых всегда является важным событием международной жизни не только в регионе, но и далеко за его пределами.

Подходы России

Россия, как и Китай и другие члены образованной в 1996 г. «Шанхайской пятёрки», стояла у истоков создания ШОС. В следующем году ШОС отмечает свой четвертьвековой юбилей, и все эти годы организация занимает важное место в списке международных приоритетов Российской Федерации.

В российских внешнеполитических документах ШОС позиционируется как важный практический инструмент реализации региональных и глобальных интересов страны. В последней редакции Концепции внешней политики РФ (октябрь 2019 г.) отмечается, что «Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания», причем предполагает для этого «совершенствование деятельности ШОС с учетом современных геополитических реалий», выступает за «всемерное укрепление потенциала ШОС в обеспечении безопасности и устойчивого развития Евразии»³.

Поскольку существенной географической зоной и «ядром ШОС»⁴ являются бывшие среднеазиатские республики времен СССР, то в рамках этой общей задачи речь, очевидно, во многом идет о российских интересах, связанных с развитием отношений со странами Центральной Азии (ЦАР) в их нынешнем независимом статусе, а также с рядом ключевых азиатских партнеров РФ в целом. Россия, безусловно, заинтересована во внутренней стабильности в странах ЦАР, в обеспечении безопасности региона в целом.

Очевидно, что внимание к ЦАР (причем не только со стороны России) является не случайным. Обращаясь к возможным корням, уместно вспомнить концепт «центральной части Евразии» (Хартленд), который еще более 100 лет назад был сформулирован отцом британской геополитики Хэлфордом

¹ Китай организует ряд мероприятий для стимулирования сотрудничества между странами ШОС. Доступ: <https://russian.cgtn.com/news/2025-03-22/1903323073167433730/index.html> (проверено 12.04.2025).

² Страны – участницы ШОС подписали в Тяньцзине соглашения о сотрудничестве на общую сумму 4,8 млрд юаней. Доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2025/0411/c31518-20300615.html> (проверено 12.04.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 31.03.2023. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (проверено 15.04.2025).

⁴ Самаркандская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. – *Президент России. Официальный сайт*. 16.09.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (проверено 22.03.2025).

Маккиндером. Согласно выдвинутому им тезису, «тот, кто правит Хартлендом, управляет Мировым островом» (Евразийский и Африканский континенты), а «тот, кто правит Мировым островом, управляет миром» [Mackinder 1919: 106]. Заметим, что географические рамки Хартленда изначально позиционировались в примерных границах Российской империи ее позднего периода, а значит естественным образом включали в себя и нынешнюю Центральную Азию. Конечно, с тех времен мир претерпел большие перемены, к тому же нынешний Центрально-Азиатский регион — это лишь «часть Хартленда, по Маккиндеру». Однако значение ЦАР для общей евразийской повестки остается, тем не менее, весьма высоким.

Возвращаясь к российским приоритетам, отметим, что применительно к площадке ШОС для России ценна также возможность продвигать свои системные внешнеполитические позиции, связанные в первую очередь с формированием многополярного мироустройства. Начиная с базовых деклараций¹ и вплоть до последних по времени документов, вопросы «построения нового справедливого международного порядка» на основах многополярности занимают существенное место в работе ШОС. Участники организации последовательно выступают в пользу более демократичного и равноправного устройства современного мира.

При этом данное видение, объективно служащее альтернативой стремлению США сохранить установившееся в конце прошлого века одностороннее доминирование, в последние годы (особенно по мере расширения ШОС за счет стран глобального Юга) приобретает в организации все большее звучание, а значит отвечает фундаментальным международным интересам России. Примером, в частности, служит зафиксированная в Астанинской декларации саммита ШОС—2024 инициатива ШОС «О мировом единстве за справедливый мир, согласие и развитие», присоединиться к которой страны ШОС предлагают всему мировому сообществу².

Если же обращаться к приоритетам, стоящим вне рамок официальных деклараций, то неизменно актуальной для РФ (а также Китая) изначально выглядела менее афишируемая, но объективно очевидная цель создания и развития ШОС — необходимость обеспечения в новых геополитических реалиях, возникших после распада СССР, стабильного баланса сил в ЦАР, в т.ч. с точки зрения сочетания интересов наиболее крупных региональных игроков — России и Китая.

Как отмечает видный китайский специалист-международник, директор Института Евразии Центра изучения проблем развития Госсовета КНР Ли Юнцюань, «после распада СССР в регионе возник геополитический вакуум», и именно деятельность «шанхайской пятерки», превратившейся вскоре в «шестерку» ШОС, способствовала «созданию в регионе мирной внешней обстановки», а также поэтапному продвижению «сфер сотрудничества и формированию “шанхайского духа” с его главными элементами: взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие, взаимная консолидация, уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию» [Ли Юнцюань 2016: 22–23].

Можно вспомнить и оценку, которую в преддверии создания ШОС выска-

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 06.06.2002. — *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (проверено 27.03.2025).

² Астанинская декларация совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html> (проверено 11.04.2025).

зал в то время председатель КНР Цзян Цзэминь, отметивший, что новая организация «будет иметь важное значение для отношений» Китая и России [Уянаев 2021: 96].

Цель гармонизации центральноазиатского измерения российско-китайских отношений сохраняет на площадке ШОС свое значение и сегодня, хотя ее реализация порой складывается непросто. Прежде всего, имеют место особенности во взглядах на экономическое взаимодействие в ШОС, в т.ч. по вопросам торговых режимов и зон свободной торговли (ЗСТ). Это, в свою очередь, сказывается на весьма слабом продвижении экономического сотрудничества в ШОС в целом: за все годы не реализован ни один значимый многосторонний проект. Трудно отрицать, что упомянутые особенности в подходах двух стран отчасти влияют на то, что в ШОС в целом наблюдается ощутимый разрыв между большим числом деклараций и их последующим практическим воплощением.

Но общая итоговая роль ШОС, особенно на фоне нынешней международной обстановки и объявленных Западом антироссийских санкций, для РФ несомненна. В данном контексте к сказанному выше уместно добавить, что ШОС сегодня особенно важна для консолидации «дружественных» России стран, включая новых партнеров по диалогу из числа влиятельных развивающихся стран (Турция, Саудовская Аравия) — членов G20. На площадке организации расширяется возможность взаимодействия на двустороннем уровне.

Кроме того, ШОС рассматривается в России как основной потенциальный драйвер российской инициативы по «преобразованию Евразии в единое общеконтинентальное пространство», которая известна как идея Большого евразийского партнерства (БЕП).

Российско-китайское взаимодействие

Российско-китайское взаимодействие в ШОС, с одной стороны, можно рассматривать как один из наиболее важных примеров сотрудничества двух стран на международных многосторонних площадках, с другой — оно является главным цементирующим звеном организации, поскольку Китай и Россия не только принадлежат к основателям ШОС, но объективно являются ее лидерами и «тяжеловесами».

Сотрудничеству на платформе организации ШОС способствует близость доктринальных подходов. У Китая они во многом созвучны перечисленным выше российским: в формате ШОС Китай видит возможности укрепления региональной безопасности (в т.ч. в контексте борьбы против «трех зол» — сепаратизма, экстремизма и терроризма), продвижения экономического и гуманитарного сотрудничества. Являясь активным сторонником нового демократического миропорядка на основе многосторонности и в противовес политике «решений лишь одной стороны» [Mao Ruipeng 2020: 52], Китай активно подтверждает это видение и в ШОС.

Кроме того, как еще в первые годы деятельности ШОС отмечали авторитетные отечественные синологи, интересы КНР в ШОС могут быть связаны с надеждами на включение организации в отстаиваемые Китаем процессы глобализации в качестве их важного «регионального звена» [Кузык, Титаренко 2006: 540].

Пункты о том, что координация на платформе ШОС является общим для России и Китая приоритетом, неизменно фиксируются в ежегодных совместных декларациях по итогам встреч на высшем уровне. Как подчеркнуто в российско-китайском заявлении, подписанном главами РФ и КНР по итогам

двустороннего саммита в мае 2024 г., «стороны считают совместную работу в ШОС важным направлением углубления отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами»; стороны «продолжат скоординированные усилия в целях дальнейшего развития ШОС в качестве авторитетного и влиятельного многостороннего объединения, повышения ее роли в формировании нового справедливого, устойчивого и многополярного миропорядка»¹.

Примером такой скоординированной политики, проявившейся еще на заре ШОС, можно считать тот факт, что в базовые основы деятельности организации лег ряд принципиальных положений, которые практически одновременно были зафиксированы и в подписанном в июле 2001 г. российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, и в принятой месяцем ранее Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества². Речь идет прежде всего о принципе «трех не» — «не союз», «не конфронтация», «не направленность против третьих стран». Данное положение означало, по сути, фиксацию странами-подписантами новой модели межгосударственных отношений — тесного и равноправного стратегического партнерства самостоятельных и независимых субъектов международной политики. Повторим, синхронизация главного российско-китайского документа и базовой декларации ШОС, помноженная на сходство субстантивной части, — хорошее свидетельство продуктивного взаимодействия РФ и КНР.

В качестве другого, уже недавнего примера можно обратиться к пунктам российско-китайского совместного заявления, принятого в марте 2023 г., где Россия и Китай сочли необходимым официально заявить о взаимной поддержке системных внешнеполитических приоритетов друг друга: РФ отметила «позитивное значение» концепции Китая о построении «сообщества единой судьбы человечества», а КНР «положительно оценила конструктивные и последовательные усилия» России «по формированию справедливой многополярной системы международных отношений»³.

Тем самым были подкреплены соответствующие положения ряда последних ежегодных деклараций саммитов ШОС, где, наряду с традиционной поддержкой тенденций многополярного мира, ныне говорится о важности «продвижения взаимодействия в строительстве международных отношений нового типа... а также формирования общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества»⁴.

Актуальными и представляющими очевидный взаимный интерес продолжают оставаться темы обеспечения внутренней стабильности в странах реги-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. — *Президент России. Официальный сайт*. 16.05.2024. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (проверено 17.04.2025).

² Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <http://rus.sectsco.org/documents/> (проверено 21.03.2025).

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. — *Президент России. Официальный сайт*. 21.03.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (проверено 12.04.2025).

⁴ Нью-Делийская декларация совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2023. Доступ: <https://rus.sectsco.org/20230704/nyu-deliyskaya-deklaratsiya-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shankhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva-948432.html> (проверено 12.04.2025).

она, недопущения в них «цветных революций», прежде всего спровоцированных извне. В этом контексте по-прежнему злободневна задача совместного купирования вызовов со стороны региональной политики США и стран НАТО, противодействия деструктивной деятельности внерегиональных игроков в целом.

Кроме того, вопрос обеспечения региональной безопасности важен для обеих стран и в контексте сохраняющихся угроз, исходящих от базирующихся в регионе террористических и других противоправных структур и организаций. Не случайно обе страны являются активными участниками принимаемых на площадке ШОС соответствующих профильных документов, включая принятые в 2024 г. в Астане Программу сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2025–2027 гг. и Антинаркотическую стратегию ШОС на 2024–2029 гг.

Вместе с тем, как было отмечено выше, российско-китайское взаимодействие в ШОС, будучи живым и динамичным организмом, несет отпечаток близких, но не во всем полностью совпадающих региональных интересов. В этой связи в числе главных задач остается необходимость нахождения если не консенсуса, то максимально возможного взаимоприемлемого компромисса в российско-китайском взаимодействии в ЦАР.

Вновь возвращаясь к упомянутым расхождениям по экономическому сотрудничеству в ШОС и в ЦАР, есть смысл вспомнить, что еще в середине 2010-х гг. отечественные эксперты обратили внимание на возникновение в регионе таких реалий, как «усилия РФ по развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» и «продвижение Китаем инициативы Пояс и Путь», что породило новые вызовы для российско-китайского взаимодействия, в т.ч. с точки зрения «положения России в ШОС» [Ларин 2016: 121–122].

С тех пор эти вызовы не исчезли, корреляция региональных проектов двух стран складывается не без сложностей, причем России важно избежать сценария сползания ситуации в сторону критического доминирования Китая в хозяйстве стран региона, в т.ч. в контексте институционализации возникшего в 2022 г. формата «КНР+5» (Китай плюс пять стран Центральной Азии).

Однако при объективном повышении на нынешнем международном фоне места КНР в политике РФ определенные поэтапные «шаги навстречу» Китаю, в т.ч. по теме региональных ЗСТ, могут оказаться весьма вероятными, тем более что в качестве «долгосрочной цели» рассмотрение создания таких ЗСТ уже почти 10 лет назад (май 2015 г.) было прописано в Совместном заявлении по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Продвижение в этом направлении могло бы содействовать как укреплению российско-китайской кооперации в ШОС, так и прогрессу экономической повестки организации в целом.

Дополнительной зоной повышенного внимания для российско-китайского регионального сотрудничества является вопрос о сочетаемости связанных с ШОС российских евразийских инициатив («Большое евразийское партнерство») с чувствительными для КНР темами обнародованных в 2022–2023 гг. трех «глобальных инициатив» Китая (по развитию, безопасности, цивилизации). Основа для взаимопонимания здесь имеется. Это отражено, в частности, в упомянутых документах российско-китайского саммита-2024, где говорится, что «стороны подчеркивают важное позитивное значение серии глобальных инициатив Китая».

Перечисленные «узкие места» нет смысла преуменьшать, но вряд ли стоит преувеличивать. В экспертных кругах обеих стран имеющиеся различия

называют порой «неизбежным соперничеством» [Ли Юнцюань 2016: 23], причем усиление такого соперничества отмечалось специалистами еще в первые годы ШОС [Лузянин 2009: 103]. Но не менее объективным выглядит и делающийся при этом вывод, по которому расхождения «не носят системный характер» и не влияют на общий поступательный характер отношений; позиции могут сближаться в ходе консультаций, а здоровая, выстроенная в духе учета интересов друг друга конкуренция «способна быть импульсом к развитию».

Контекст расширения

Взгляды на расширение ШОС в последнее время претерпевали в России определенную динамику. Если несколько лет назад, по меньшей мере на экспертном уровне, к этому относились с осторожностью, а с точки зрения общего будущего ШОС — даже пессимизмом, то сейчас оценки меняются.

С одной стороны, растет понимание, что само расширение — это естественный запрос в регионе и в мире на ту повестку, которая была бы альтернативой западной либеральной модели развития, которая далеко не всегда является универсально применимой и эффективной. С другой — эксперты и политики видят в расширении толчок и новый импульс структурным целям и задачам ШОС, поскольку организация уже ряд лет явно «пробуксовывает» в рамках прежних экономических и иных проектов.

В любом случае в 2024 г. на высшем политическом уровне в РФ, председательствовавшей в ШОС, были предприняты шаги по деятельному включению в работу по расширению организации. Более того, по словам главы МИДа РФ С.В. Лаврова, Россия видит необходимость «спрямить» дистанцию, упростить процесс приема новых участников разного статуса в ШОС.

К 2025 г. изначальная «шестерка», повторим, превратилась в структуру из 10 постоянных членов, 2 наблюдателей и 14 партнеров по диалогу. Еще не менее 8 стран подали заявки на вступление в ШОС в разном качестве. Процесс запущен. Однако пока перспективы нового, более представительного измерения ШОС все еще выглядят неоднозначно, имеют разные измерения.

В актив можно отнести очевидно возросший географический охват и репрезентативность, которые отражают потенциал ШОС в продвижении к справедливому миропорядку и более активному участию в глобальном управлении. Кроме того, с точки зрения интересов РФ укрупненный формат ШОС свидетельствует в пользу провала западных попыток политической изоляции России и, повторим, умножает возможности для результативных двусторонних контактов, прежде всего с Ираном, ОАЭ, другими «дружественными» странами, что имеет повышенное значение для преодоления тотальных экономических санкций Запада.

К моментам для размышлений и осторожности относятся особенности, а порой и разнохарактерность в целевых задачах участников разросшейся организации. А это будет не только затруднять скромные и до этого шаги по продвижению ШОС к статусу самостоятельного центра глобального управления, но и сделает еще более сложной выработку отсутствующих пока конкретных практических многосторонних проектов.

В этом контексте особую важность приобретает характер российско-китайской координации и взаимодействия в ШОС, способность двух стран как основателей и тяжеловесов ШОС, преодолевая сложности, находить нужные решения и компромиссы.

Возможности здесь просматриваются. Не случайно региональные экс-

перты, комментируя сегодня расширение ШОС, обращают внимание на «близость оценок России и Китая» в том смысле, что обе страны «готовы», по их мнению, «пожертвовать» строго региональной повесткой организации «ради увеличения международного веса ШОС»¹.

Правоту тех или иных оценок покажет практика. Наиболее предпочтительным вариантом развития событий было бы привлечение к совместному поиску ответов на новые вызовы ШОС также Индии, в т.ч. в рамках имеющего шансы на оживление трехстороннего диалогового формата «Россия–Индия–Китай» (РИК).

При любом из сценариев, применимых к перспективам ШОС, сама Шанхайская организация сотрудничества и взаимодействие на этой площадке с КНР остаются важным составным элементом российских международных приоритетов. Деятельность на этом направлении должна максимально опираться на имеющиеся реальные возможности, но избегать при этом завышенных ожиданий.

Список литературы

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. 2006. *Китай – Россия 2050: стратегия соразвития*. М. Изд-во ИДВ РАН, ИЭС РАН. 652 с.

Ларин А.Г. 2016. ЕАЭС и Китай. – *Новый Шелковый путь и его значение для России*. М.: ДеЛи плюс. 232 с.

Ли Юнцюань 2016. Приветственное слово. Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества. – *На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества*: материалы международной конференции (форума). М.: Изд-во Института стран СНГ. С. 21–24.

Лузянин С.Г. 2009. *Россия и Китай в Евразии: международно-региональные измерения российско-китайского партнерства*. М.: Форум. 287 с.

Уянаев С.В. 2021. Нынешние задачи и перспективы развития ШОС и РИК. – *Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы*. М.: Изд-во ИДВ РАН. С. 92–106.

Mackinder H.J. 1919. *Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction* (ed. by S.V. Mladineo). Washington: National Defense University Press. 213 p.

Mao Ruipeng 2020. Multilateralism and China's UN Diplomacy. – *China International Studies (Shanghai Institute of International Studies)*. No. 85. November/December. P. 44–65. Доступ: <https://www.siiis.org.cn/Paper/15257.jhtml> (проверено 17.04.2025).

¹ Severt E. 2024. SCO Expansion: A Double-Edged Sword. – *The Diplomat*. July 01. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/sco-expansion-a-double-edged-sword/> (accessed 04.05.2025).

UYANAEV Sergey Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, *Leading Researcher, Deputy Director for Science, Head of the Center «Russia, China, the World», Leading Researcher of the Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117218; svuyav@yahoo.com); <http://orcid.org/0000-0002-5471-8224>*

SCO: EXPANSION OF THE FORMAT, RUSSIA'S APPROACHES AND COOPERATION WITH CHINA

Abstract. *The Shanghai Cooperation Organization (SCO), formed in 2001, remains a prominent element of international life and multilateral diplomacy, being simultaneously an important priority of Russia's foreign policy, primarily of its eastern vector. In the new geopolitical conditions, arose after the collapse of the USSR, one of the basic goals declared in the SCO documents was to create in Central Asia an environment of general stability and security, to promote regional economic, cultural and humanitarian cooperation. However, an equally significant (though not too public) goal of the Organization initially was the task to ensure a stable balance of regional forces, first of all in the context of combining the interests of the largest players – Russia and China. This goal remains relevant today.*

The long-term cooperation of the Russian Federation and China policies within the SCO platform can be characterized as positive. The coordination between them has a cementing effect on the Organization's activities as a whole, serves as an important part of the two countries' interaction on international issues in general. At the same time, the Russian-Chinese partnership in the SCO is not free from competitive elements, often related to the dynamics of each of the two countries economic and political positions in the Central Asian states.

Throughout the years of the SCO's existence, the two parties have consistently managed to avoid complications and differences, which could negatively affect the overall high level of Russian-Chinese relations. Moreover, the current expansion of the SCO membership poses new challenges for the Organization. The nowadays situation requires thorough clarification to the Organization's agenda, while it is highly important to ensure that the changes take place without compromising the effectiveness of the SCO. It is just for these purposes that the joint efforts of the SCO heavyweights, Russia and China, today are particularly in demand.

Keywords: *SCO, format expansion, Russia, China, interaction, balance of power, challenges, format expansion*
